

УДК 94(47).084.8

П. П. Полх

**ОРГАНИЗАЦИЯ ЗАГОТОВОК СЕЛЬХОЗПРОДУКТОВ
В ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ НА РАЙОННОМ УРОВНЕ
(НА МАТЕРИАЛАХ КАЛИНИНГРАДСКОГО СЕЛЬСКОГО РАЙОНА
КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ)¹**

80

Проанализирована деятельность районных заготовительных органов, осуществлявших в конце 1940-х – середине 1950-х гг. обязательные закупки сельскохозяйственных товаров у колхозов и сельских жителей. В постсоветское время государственная заготовительная деятельность сталинской эпохи признается принудительным изъятием хлеба и других продуктов у сельских жителей. На материалах Калининградского сельского района (единственного, сохранившего фонд своей заготовительной структуры в составе Государственного архива Калининградской области) прослежено содержание заготовительной политики и сделаны выводы об эффективности деятельности заготовителей.

This article analyses the policy of compulsory procurement of agricultural produce from farmers in the late 1940s – mid-1950s. Currently, the public procurement of the Stalin era is recognised as a forced seizure of grain and other products in rural areas. Based on the materials from the Kaliningrad rural district (the only one, whose procurement structure fund has been preserved by the State archive of the Kaliningrad region), the author traces the forced procurement policies and draws conclusions about the efficiency of collectors.

Ключевые слова: Калининградская область, сельское хозяйство РСФСР в послевоенные годы, колхозы, заготовительная политика, организация административного управления на местном уровне.

Key words: Kaliningrad oblast, agriculture of RSFSR in post-war years, collective farms, procurement policy, organization of administrative control at the local level.

Послевоенная заготовительная политика в деревне традиционно вызывает одно из достаточно серьезных обвинений позднему сталинскому режиму: едва оправившееся от полученных военных ран российское (и не только) село столкнулось в начале с возвращением «разбазаренных» 9 млн га в колхозы, затем с грабительской денежной реформой, голодом 1946–1947 гг., проплаченными (в том числе за счет сель-

¹ Статья выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 15-01-00257 ГРНТИ 11504-24-10054.

ских тружеников) отменой карточной системы и ежегодными (в 1948 – 1953 гг.) снижениями розничных цен на товары первой необходимости [1, с. 134, 164]. Советское государство установило фискальную нагрузку на земли, переданные в колхозы и совхозы, а также на подсобные хозяйства предприятий, личные хозяйства колхозников, рабочих совхозов и сохранявшихся единоличников с таким расчетом, чтобы получать не деньги, а именно продукты и непродовольственные сельскохозяйственные товары с гектара пашни, с сотки огорода, с коровы, свиньи, овцы, фруктовых и плодово-ягодных деревьев и кустарников и даже с охотничьих угодий [2, оп. 1, д. 7. л. 7–15]. Выполнение нагрузки обеспечивалось фактическим прикреплением крестьян к местам жительства и работы, мизерными закупочными ценами, не покрывавшими даже части себестоимости товара.

Насколько все сказанное применимо к Калининградской области, образованной на переданных Советскому Союзу землях бывшей Восточной Пруссии и заселенной жителями областей центральной России и Белорусской ССР? Вопрос не праздный с учетом того, что одной из важнейших льгот, которым предстояло подвигнуть людей на переезд, было именно освобождение от налогов на три года, существенное подспорье в виде денежной и продовольственной ссуды, а также (ценность чего понимали не сразу) получение паспорта, без которого въезд в пограничную зону (охватывавшую всю область) был бы невозможен. Однако стремление властей сделать поскорее область типично российской заставляло воспроизводить практически все те формы организации управления деревней, которые существовали на территории остальной РСФСР, не отвлекаясь на национальную или какую-либо иную специфику.

Структуры Министерства заготовок СССР появились на калининградской земле почти одновременно с советскими органами власти – областной уполномоченный министерства заготовок (облуполнминзаг) [2, оп. 1, д. 1, л. 2] с небольшим штатом и райуполнминзаги в каждом из 17 вновь образованных районов области, также с группами помощников. Организация заготовок на областном уровне уже становилась объектом исследовательского внимания, в том числе и автора данной публикации [7; 8], полагающего, что теперь в изучении этой темы необходимо опуститься на районный уровень. Документация райуполнминзагов не сохранилась, за исключением фонда Р-506 Государственного архива Калининградской области (ГАКО), что, на наш взгляд, объясняется стечением обстоятельств. Выражение «Калининградский район» могло означать не только административную единицу, существовавшую в области с 1948 по 1959 г., но и так называемый «межрайон», который включал всю область, если дело касалось отчетности по урожайности, сортоиспытаниям и другим значимым отраслям управления сельской экономикой, для которых иметь районный штат было слишком большой роскошью, а управление из областного центра слишком «удаляло от земли». Некоторые крупные российские области делились для ведомственного управления на межрайоны, но в небольшой Кали-

нинградской области такой необходимости не было. Понятно, что объяснение сохранности фонда райуполнминзага лишь тем, что при проведении экспертизы ценности архивные работники сочли, что имеют дело с областной структурой, — не более чем авторская гипотеза, но ее подтверждение или опровержение не принципиально для решаемых в статье задач.

Исследовательская удача на этом не заканчивается. Калининградский сельский район (его называют именно так, чтобы избежать путаницы), хоть и прилегал с юга к областному центру, но из Калининграда не управлялся — районные партийные и советские структуры располагались в поселке Нивенское (ныне север Багратионовского района). Однако в зону ответственности райуполнминзага помимо колхозов, совхозов и хозяйств личных хозяйств их тружеников входили еще и подсобные хозяйства предприятий Калининграда и горожан, осмелившихся держать хозяйство и попавших в заготовительную статистику. Таким образом, открываются возможности проследить еще и эту сторону заготовительной политики на самом приближенном к объекту обложения уровне.

Калининградские заготовители приступили к работе еще в августе 1946 г., когда заготавливать (в привычном общесоюзном смысле) было нечего — в области существовали военхозы — подсобные хозяйства при воинских частях, образованные на месте сколько-нибудь прилично сохранившихся помещичьих усадеб, работниками там на 70—80 % были немцы [4, с. 10], а главной задачей (пусть и официально не декларируемой) — сохранить пахотные земли и остатки поголовья для дальнейшего существования. Высокой урожайности и надоев от них, понятно, никто не требовал, зато, когда военхозы реорганизовались в совхозы, было очень удобно демонстрировать кратный рост показателей к концу 1940-х и ставить новые задачи (правда, не совсем выполнимые). С какой же целью создавали штат заготовителей в области, заселение которой только начиналось? Заготовки в идеале должны быть взаимовыгодной системой отношений производителей и государства: не только государству нужны продукты, но и сельяне хотели бы иметь гарантированного покупателя своей продукции (что особенно актуально в наши дни) — значит, структуры, которые отвечают за удовлетворение подобных социальных интересов, оправданы. Другое дело, что в чрезвычайных условиях (а послевоенные годы можно таковыми считать) заготовители превращаются в нелюбимых обществом фискалов.

Собственно, это и наблюдалось как во всей стране, так и в Калининградском сельском районе, образованном позже других, в конце 1947 г. В фонде райуполнминзага этот год представлен отдельными финансовыми документами [3, д. 1]. Но уже следующий 1948 г. предлагает полноценный (пусть и на 16 листах) отчет о выполнении плана заготовок. Налоговые льготы, предоставлявшиеся личным подсобным хозяйствам переселенцев и самим колхозам, заготовители не оспаривали, но обязательства на поставку молока с вновь приобретенных коров получали

исправно. Этой теме и посвящен весь отчет за 1948 г., что позволяет детально вникнуть в «бухгалтерию». Обязательств колхозы района получили на 19 тыс. литров молока, колхозники — на 6042 л [3, д. 2, л. 1об]. Правда, выявились «недоучтенные» и прибывшие хозяева, так что добавилось еще 270 л с колхозников и 540 л — с рабочими и служащими. На освобождение от поставок списали 115 л в связи «с неправильным учетом скота», но припомнили недоимок за прошлые годы на 1879 л (причем 1857 л — это выбывшие и ликвидированные хозяйства, но ко взысканию все равно было определено 1879 л). Всего в районе должны были заготовить 27 616 л молока [3, д. 2, л. 2].

Попытаемся разобраться с этими цифрами. В сегодняшних Нидерландах или Израиле с таким годовым планом справились бы 3 коровы (или 2 улучшенных пород). Пусть годовой надой в 3000 л молока представлялся в середине XX в. хорошим показателем, а в 2000 л — на фоне необустроенности и бескормицы — реальным. Много это или мало для 6 колхозов, включавших по 30—40 дворов каждый (на корову приходилось 57,5 л молока)? Если отвлечься от общих реалий послевоенного времени и с учетом общей перспективы, то, вероятно, нет. Если взглянуть на то, что из 8076 л назначенных к сдаче колхозниками [3, д. 2, л. 2об] более 20 % составляли недоимки, то такие заготовки нужно признать чувствительными. Опять же, куда выбыли хозяйства, не добавившие почти 2000 л молока уже к 1948 г.? Уже так много селян перебралось в города, или учитывались коровы немцев (которые, понятное дело, им забрать с собой не получилось бы)? Помимо этих вопросов следует поставить и еще один: что дают государству эти 27,6 тыс. л молока с целого района в год, реализовать которые по силам одной торговой точке в городе за одну — две недели (а если их пустить на производство масла и сыра, то и быстрее)? Очевидные рассуждения на тему, что из малого складывается большое и что в условиях общего дефицита продовольствия — и это значимо, имеют основания, однако не забудем, что сам райуполнминзаг, бухгалтер и пятеро агентов-заготовителей трудились за зарплату да еще использовали казенный транспорт (пусть и конную подводу) для выполнения своих обязанностей. На все вопросы напрашивается один рациональный ответ: государство методично выстраивало и распространяло на свои новые территории систему всеобщей вовлеченности селян в процесс заготовки продовольствия. В этих условиях сам факт заготовительной нагрузки гораздо важнее ее размера и адекватности усилий по сбору того же молока его конечной стоимости. Попытаемся привести еще некоторые аргументы. В зачет за 1948 г. пошли авансовые сдачи колхозов — 10 648 л (то есть более половины плана) и колхозников — 157 л. Недоимка с 17 выбывших хозяйств в 1857 л перешла на следующий год. Авансом за 1949 г. заготовители получили в 1948 г. 21 630 л от колхозов и 1014 л от колхозников [3, д. 2, л. 3—3об]. Отчет содержит и акты от шести колхозов (им. Ворошилова, Черняховского, Молотова, Андреева, Елены Ковальчук и Карла Маркса) о сдаче молока за Госмолзавод №115 [3, д. 2, л. 6—8] (нынешнее АО «Молоко»

на ул. Камской), причем итоговая сумма в ровно 19 тыс. л состоит из дробных показателей по каждому колхозу (например, им. Молотова — 2562,5 л [3, д. 2, л. 5]), что указывает на то, что плановое задание разверстывалось заготовителями по колхозам.

С отчетом за 1949 г. скрупулезную аудиторскую проверку провести сложнее. Он занимает уже 153 листа, колхозов прибавилось (им. Сталина, Калинина, Матросова, «Победа» и «Красный Восток»), правда, они оставались небольшими — от 59 дворов в колхозе им. Черняховского до 18 в «Красном Востоке» [3, д. 7, л. 1]. Главное же отличие отчета за 1949 г. в том, что заготавливалось уже не только молоко. Вот что предусматривал план по заготовкам (табл. 1).

Таблица 1

Плановые задания по заготовкам в хозяйствах Калининградского (сельского) района на 1949 г. [3, д. 7, л.2—2об]

Категория хозяйств	Мясо, кг	Шерсть, кг	Молоко, л	Яйца, шт.
Колхозы	5469	203,1	78416	19613
Колхозные дворы	3425	15,685	17240	4215
Совхозы	136200	220,469	1413600	24200
Хозяйства рабочих и служащих	1580	1,81	19171	—

Как видно из таблицы 1, государство в лице заготовительных структур очень четко проводило линию на то, чтобы создаваемое сельское хозяйство ориентировалось на общественные нужды. Два появившихся совхоза приняли на себя основную нагрузку по мясу, однако заметим, они и создавались в системе Министерства мясомолочной промышленности, в силу чего план заготовок вытекал из плана производства вообще. Вместе с тем в годовом отчете мы не находим сколько-нибудь значимой информации о мерах по обеспечению этого плана — лишь констатирующие показатели. Заготовители «работали» именно с теми, кто со своей скотиной не был включен в систему ведомственного управления — колхозами и подсобными хозяйствами, на которых приходилось менее 10 % запланированных к заготовке мяса и молока. Поскольку куры и в колхозах, и в совхозах, и в личных хозяйствах были вполне естественным подспорьем, то и плановое количество их заготовок примерно одинаково. Заготовка шерсти судя по требуемому количеству — менее полтонны на весь район — скорее, констатация того факта, что овцы в хозяйствах встречаются, держат их на мясо, но и шерсть надо сбывать: коль скоро заготовители ее принимают, то следует дать им плановые задания.

Показатели выполнения плана за 1949 г. свидетельствуют, что справиться с заданным объемом заготовок оказалось нелегко. Обеспечили заготовки мяса лишь колхозы, сдавшие на 90 кг больше плана [3, д. 7,

л. 4], личные хозяйства немного не додали, а совхозы совместно с подсобными хозяйствами промышленных предприятий также обеспечили чуть меньше — 153 352 кг вместо 153 709 кг. По молоку выполнение также не дотянуло до 100 %, несмотря на авансовую сдачу более 22 тыс. л. Вместе с тем ряд часть шерсти и яиц была заменена сеном, и, как ни странно, скотом [3, д. 7, л. 36]. Обязательства обеспечить с головы крупного рогатого скота 17,5 кг мяса, со свиньи — 37,5 кг и с овцы — 6,25 кг [3, д. 7, л. 80] можно считать разумными, если речь идет о стаде со значительным поголовьем. Как его выполнить личному хозяйству, в котором одна корова (больше просто не положено), одна свинья или овца? Очевидно, что сельяне вынуждены были кооперироваться, определяя, чья скотина, пущенная под нож, пойдет в зачет поставок соседа на основе личных договоренностей. Прямых подтверждений распространенности этого явления нет, но отмечены случаи мошеннических действий, когда предприимчивый агроном или бригадир собирал деньги на покупку коровы для сдачи в зачет плана заготовок, а потом их проматывал.

В середине отчета появляется информация и о заготовке зерна и картофеля. Среди главных потенциальных заготовителей зерна фигурируют машинно-тракторные станции (МТС) с которыми колхозы рассчитывались, отдавая 20 % урожая в качестве натуроплаты. В отчете за 1949 г. обнаруживается задолженность МТС уже за 1948 г. в размере 48 ц [3, д. 7, л. 46]. Что касается колхозов, то заготавливаемое зерно соединялось с семенными ссудами и выдаваемыми колхозникам авансами так, что развести эти задолженности не всегда было под силу и агентам по заготовкам. Все же зерно — это не только продукт питания, но и посевной материал, отнимать который ради выполнения плана означало создавать новые проблемы, ложившиеся на плечи власти. Отметим также, что у колхозов были определенные возможности закрыть рожью и ячменем недодаанные просо, горох, вику и даже яйца — МТС в этом отношении было сложнее, поэтому и недоимки у них по ржи и пшенице были в 2–3 раза выше, чем у колхозов [3, д. 7, л. 100–101]. С картофелем ситуация другая. Немецкой урожайности военных лет (125 ц с га) [4, с. 129] достигали лишь отдельные передовые хозяйства, которых в Калининградском сельском районе не было. В колхозных отчетах собранный урожай примерно соответствовал размерам посева. Но в личных хозяйствах, где «второй хлеб» был условием выживания, урожаями позволяли закрывать и часть поставок молока. Еще одним «спасителем» и для колхозов, и для колхозников выступало сено.

Еще раз отметим, что заготовители не имели рычагов воздействия на ведомственные совхозы и располагали лишь ограниченными возможностями в отношении колхозов. Получается, что их активность распространялась, главным образом, на колхозников и рабочих совхозов. Таблица 2 составлена по общероссийской форме, что, с одной стороны, объясняет лакуны в большинстве граф, а с другой — характеризует государственный подход к заготовкам.

Таблица 2

Данные о вручении обязательств на поставки колхозникам
Калининградского района в 1949 г. [3, д. 7, л. 30б]

Колхозы, в которых	Мясо	Молоко	Яйцо	шерсть	Кожсырье	Сыр-брынза	Зерно	Картофель	Сено
Вручены обязательства	325	529	192	51	—	—	14	1517	—
Не выполнены обязательства	20	40	17	4	—	—		284	—
Не приступали к выполнению обязательства	4	7	9	2	—	—	—	48	—
Вручены предупреждения с описью имущества	102	110	39	3	—	—	—	—	—
Произведены бесспорные изъятия	1		—	—	—	—	—	—	—
Передано в суд дел по хозяйствам	5	4	—	—	—	—	—	—	—
Рассмотрено дел судом	—	2	—	—	—	—	—	—	—
Осуждены хозяева	—	2	—	—	—	—	—	—	—
Взыскано	—	—	—	—	—	—	—	—	—

86

Данные таблицы 2 не позволяют делать однозначные выводы. Строгие графы в утвержденных формах бланков вряд ли призваны были кого-то пугать и воспитывать: такую отчетность колхозники, скорее всего, и не видели. К факту осуждения двоих человек в районе за непоставленное молоко можно относиться тоже по-разному: всего двое на фоне более 300 невыполнивших (правда, большинство из них не сдало картофель, который и колхозы толком вырастить не сумели, а потому там никого и не привлекли) или — целых двое на маленький район, которых по России немало. К тому же мы не имеем сведений, как именно их наказали. Количество осужденных можно рассматривать и как профилактическую меру (чтобы знали, что такое возможно), и как низкую эффективность работы с должниками (графа «взыскано» в таблице пуста).

Отчет показывает, что заготовители взялись еще за одну категорию производителей — подсобные хозяйства предприятий, призванные обеспечить заводские столовые и ОРСы (отделы рабочего снабжения) хлебом, овощами, молоком и мясом. В условиях, когда землеустройство было в самом разгаре и колхозы еще только формировались, найти

пригодные земли под пашни и выпасы было не так уж сложно. Так, в подсобном хозяйстве городского водоканала на территории района в 1949 г. числилось 12 лошадей (из них 10 рабочих), 14 голов крупного рогатого скота, 7 свиней, 8 «овец и коз» [3, д. 7, л. 78]. Отчет содержит список хозяйств, не имевших централизованного плана поставок мяса, молока и шерсти на 1949 г., и облагает их заготовками по нормам личных хозяйств колхозников и рабочих совхозов. В отчете значатся подсобные хозяйства Целлолозно-бумажного комбината №2, Управления рабочего снабжения Неманского пароходства, пивзавода №2 (на Понарте, ныне не существующего) и катушечной фабрики [3, д. 7, л. 80]. К слову, материалы фонда областного уполнминзага показывают, что подсобными хозяйствами в разных районах области обзавелись почти все промышленные предприятия, в том числе и те, фонды которых в областном архиве не представлены (например, четыре сульфитно-спиртовых завода [2, оп. 3, д. 2, л. 15–17]), так что исследователи имеют хороший источник по выявлению существовавших производств в первые послевоенные годы.

Отчет за 1949 г. указывает на еще одну тенденцию в деятельности районных заготовителей — к дальнейшей бюрократизации собственной деятельности. Дело здесь не только в количественном росте учетных форм, но и в специфике показателей, по которым оценивается работа уполномоченного и его агентов. Так, одним из значимых показателей становится количество врученных извещений об обязательных поставках [3, д. 7, л. 9–11]. С одной стороны, данная работа является производной от выявления облагаемой базы, то есть хозяйств с посевом и скотом, а с другой — одной из причин срыва заготовок выступала неосведомленность селян о факте обложения [7, с. 158]. Агент-заготовитель не почтальон, добрых вестей от него ждать не приходится, но и возможности поджидать каждого домохозяина у крыльца, чтобы вручить тому под роспись извещение, у агента тоже не было. Распространение через сельский магазин, правление или соседей всегда ставит вопрос об ответственности за вручение. Именно поэтому в отчет значительное место занимают таблицы об успешности этой деятельности. Более того, район делят на зоны ответственности агентов [3, д. 7, л. 24] и сравнивают их успехи. Налицо классическая аппаратная ситуация: эффективность труда начинают оценивать не только по конечному результату (объем заготовленных продуктов), но и по затраченным усилиям (розданные извещения).

Тенденции продолжают и в последующие два года. Отчет за 1950 г. оказался самым объемным в фонде — 261 лист. Отчасти на это повлияло важное обстоятельство — проведенное по всей стране укрупнение колхозов (из 11 в районе сделали 4), что заставило пересчитывать все показатели. Однако добавили хлопот и новые методики расчета заготавливаемых продуктов. Прежде всего это коснулось мяса и яиц — если для колхозников, рабочих совхозов и подсобных хозяйств облагаемой базой осталась голова скота или птицы, то для колхозов и совхо-

зов за основу взяли площадь пашни (иначе перевыполнение плана мясосопоставок в текущем году давало уменьшение планов заготовок в будущем: нет поголовья — не с чего и спрашивать). Более того, для колхозов уже с 1949 г. установили отдельный показатель по свинине, а в 1950 г. ввели поквартальные нормы сдачи (34,1 ц мяса со 100 га) [3, д. 11, л. 2], разумно полагая, что на привес свиней не влияет сезонность естественных выпасов.

Гораздо большей дифференциации подверглись индивидуальные сдатчики. Поражает скрупулезность расчета поквартальной сдачи мяса с 342 колхозных дворов: с 1-го по 4-й квартал — 17,09 ц, 8,54 ц, 14,64 ц и 17,08 ц соответственно (как видно, было учтено, что в условиях зимовки заготовить можно больше), как и необходимость 85 дворам рабочих, обложенных по полной норме, заготовить 25,36 ц мяса, 413 (по половинной норме) 36,74 ц и восьми горожанам, державшим скот — 320 кг (норма единоличников) [3, д. 11, л. 3об]. Дифференциация проявлялась и в вопросах освобождения дворов калек и инвалидов (при том, что переселенческие билеты в область выдавались семьям, где было как минимум двое трудоспособных), а также вновь прибывающих переселенцев. К слову, яйцопоставками в размере 7042 яйца в месяц были обложены 342 колхозных двора, в то время как 365 дворов колхозников, 602 — рабочих и служащих совхозов и 2299 хозяйства горожан были от них освобождены [3, д. 11, л. 6]. Таким образом, на заготовителей падала и работа по учету большого количества пока еще освобожденных, но рассматривавшихся как потенциальных поставщиков.

Не было обойдено вниманием и молоко — основной заготавливаемый продукт. Норма сдачи на корову была установлена в 190 л для хозяев, не являвшихся членами колхозов и работниками совхозов. Большинство владельцев личных хозяйств облагалось по 75%-й норме, а переселившиеся от года до трех назад — по 25 % (правда, особенности заготовительной арифметики делали эти цифры несколько большими — 173 и 64 л соответственно) [3, д. 11, л. 8]. С учетом размеров личного подсобного хозяйства обложение составляло по 22,5 л с га при полной норме, 18,75 л с га — при 75%-ной и 6,25 л — при 25%-ной. Колхоз при полном обложении сдавал 2,85 кг с гектара и 2,185 кг — при льготной (если недавно образовался) [3, д. 11, л. 13].

Наконец государство определилось и со сдачей продуктов земледелия. Колхозу предлагалось сдать по 70 кг зерна с га и подсобному хозяйству — по 35 кг, подавляющее большинство личных хозяйств от сдач зерна было освобождено (табл. 3), более того, неурожай заставил уменьшить хлебосдачу на 50 % осенью 1950 г. [3, д. 11, л. 102]. Главным объектом внимания заготовителей стал картофель, который традиционно на сельских огородах рос лучше, чем на колхозных полях. И здесь мы сталкиваемся с тщательным учетом не только поставщиков, но и освобожденных. Так, из 1065 хозяйств рабочих и служащих (не совхозов) 350 было освобождено от поставок по следующим основаниям: 13 рыбаков, 19 сельских специалистов, 8 учителей, 50 вновь прибывших, 109 пенсионеров, 92 престарелых, 16 железнодорожников, 6 инвалидов,

64 семьи красноармейцев, остальные – выбывшие [3, д. 11, л. 109]. Не имея возможности реально помочь этим людям, государство позволяло им не сдавать картошку заготовителям. Не были забыты и овощи, в частности УРС Неманского пароходства был включен в заготовки томатов и лука.

Таблица 3 указывает на ситуацию с теми, кто не входил в льготные категории – колхозниками. В отчет содержатся две заполненные формы, утвержденные еще 26 ноября 1942 г. [1, с. 163] В представлении первой ограничимся заполненными графами.

Таблица 3

**Отчет о проведении заготовок продуктов колхозниками в 1950 г.
[3, д. 11, л. 130–130об]**

Хозяйства, в которых	Мясо	Молоко	Яйцо	Шерсть	Зерно	Картофель
Вручены обязательства	846	926	316	220	18	1021
Не выполнили обязательства	97	345	61	81	14	435
В том числе не приступали к обязательствам	79	83	30	50	14	290
Предупреждено с описью имущества	79	141	–	27	–	85

На следующем листе показатели абсолютно такие же, за исключением молока: вручено 2259 извещений, 559 не выполнило, 130 не приступало, 340 получили предупреждения с описью, кроме того 8 дел передано в суд, который два дела рассмотрел и одного сдатчика осудил. В этом же отчете мы встречаем пофамильные списки недоимщиков с указанием размеров задолженности. Так, по Цветковскому сельсовету в списке 83 фамилии глав хозяйств, не сдавших от 1,2 до 173 л молока [3, д. 11, л. 153]. Государство недополучило 2977,6 л молока, не считая 471,6 л от 9 выбывших хозяйств. Еще более умиляет проведенная работа со сдатчиками полугрубой шерсти, которой рассчитывали получить с района 435,7 кг. В отчете присутствует список недоимщиков, недодавших от 10 г до 801 г каждый, в общей сложности 4496 г [3, д. 11, л. 196]. Добавим и список из 65 фамилий колхозников из колхоза им. Сталина, не сдавших от 1 (!) до 570 кг картофеля [3, д. 11, л. 231]. Присутствуют в отчете сведения о полученном гарнцевом сборе (уплата за помол на государственных и общественных мельницах, особая активность во взимании которого пришлась именно на 1949–1950 гг. [8, с. 411]), балансы натуроплаты, заготовок и возврата зерновых и картофельных ссуд во взаимоотношениях колхозов и МТС, а также описи продуктов в так называемых реалбазах – пунктах, принимавших заготавливавшееся зерно и картофель, и распределявших их по организациям в соответствии с утвержденными фондами.

Отчет за 1951 г. занимает уже два тома, правда, лишь по 35 листов каждый. Заготовкам у селян посвящен небольшой первый том отчета, где самыми интересными представляются изменившиеся нормы поставок и добавляющиеся поставщики и льготные категории. Норма сдачи мяса с головы скота (для тех, у кого за основу бралась не пашня) не изменилась с 1949 г. [3, д. 15, л. 2]. Но вот молока такие сдатчики должны были представить уже по 562 л с коровы и 281 л — с первотелки [3, д. 15, л. 2об]. У колхозников показатель вырос до 253 л, но у льготных категорий проценты высчитывались уже правильно (присутствуют норы в 127, 64 и 32 л, то есть половинная, четвертная и восьмая). Предполагаем, что рост надоев на землях области, богатых лугопастбищными угодьями, вел к росту аппетита государства. Новыми сдатчиками молока стали хозяйства жителей областного центра. Если в 1950 г. райуполнминзагом было вручено всего шесть обязательств калининградцам (по два на район, исключая Балтийский [3, д. 11, л. 13]), то в 1951 г. по 100%-й норме было обложено 701 хозяйство в Ленинградском районе, 368 — в Московском, 604 — в Сталинградском и 643 — в Балтийском. Всего от 2483 коров и 93 первотелок, зарегистрированных в Калининграде, заготовители Калининградского сельского района рассчитывали получить 281 378 л молока [3, д. 15, л. 11].

Вместе с тем освободили от поставок молока трех коров, принадлежавших Сталинградскому районному управлению МВД, 3 коровы в зоопарке, коров и свиней, принадлежавших тубдиспансеру, инфекционной больнице, школе для умственно отсталых детей, дому ребенка, а также 27 коров и 114 свиней Отдельного лагерного пункта №3 на территории Балтийского района (подсобного хозяйства лагеря военнопленных) [3, д. 15, л. 19]. Более объемный второй том отчета за 1951 г. содержит материалы о заготовках зерна, молока и мяса с колхозов и совхозов — основных поставщиков продуктов [3, д. 16, л. 10—32]. За 1952 г. и последующие в фонде архива отчетов не представлено.

Позволим себе порассуждать о причинах подобной ситуации, не беря во внимание вопрос о сохранности или приеме документов на хранение. Смещение материалов отчета в сторону колхозов и совхозов делает основные материалы частью производственных и финансовых отчетов хозяйствующих субъектов. Данную информацию государство могло получать и по другим каналам, заготовители же могли сосредоточиться именно на индивидуальных поставщиках. Отметим, что 1953 г. вообще беден на источники по истории заготовок: после смерти Вождя народов количество министерств стало резко сокращаться, Министерство сельского хозяйства вобрало в себя и Министерство заготовок [5, с. 246]. Отчетность на низовом уровне вошла в соответствующие материалы отделов и управлений сельского хозяйства. В 1954 г. Министерство заготовок было восстановлено, чтобы уже окончательно прекратить свое существование в марте 1956 г. [2, оп. 5, д. 186, л. 36]. Один из документов райуполнминзага за 1955 г. содержит информацию о ревизии основных фондов, инвентаря, бухгалтерских остатках денеж-

ных средств, расходе горючего — но не о проводимых заготовках [3, д. 33, л. 8—13]. Изменения в аграрной политике страны, сделавшие заготовительную деятельность не столь откровенно грабительской (закупочные цены были существенно повышены в расчете на то, что колхозы и крестьяне сами продадут продукты государственным скупщикам), были призваны внести коррективы в работу уполноминзагов и их аппарата. Вскоре стало ясно, что данные структуры проще упразднить, чем реформировать. В Калининградском сельском районе требовалось найти новую работу семи сотрудникам, занимавшим 6,9 ставочных должностей [3, д. 33, л. 27]. К слову, в 1949 г. в аппарате было 10 человек (уполномоченный, заместитель, 5 агентов и трое членов учетной группы). В этом же году на работу в аппарат было принято 25 человек и 13 уволено [3, д. 7, л. 94]. При такой текучести проблем с новым устройством возникать было не должно. Правда, это не касается начальства — отчеты с 1948 по 1951 г. подписаны одним уполномоченным — А. Марининым.

Вышеизложенное позволяет сделать несколько значимых выводов. Во-первых, документация управления заготовок Калининградского сельского района способна до известной степени отразить советскую заготовительную систему в целом. Созданная для выполнения вполне благой функции — приема для реализации продуктов сельского хозяйства у колхозов и колхозников — система взялась выполнять еще одну, чисто советскую задачу: обеспечивать равное (с учетом определенных условий) и справедливое участие всех пользователей сельхозугодий в удовлетворении базовых потребностей страны в продовольствии. Поскольку это участие не носило взаимовыгодного характера, а самих продуктов для реализации по справедливым (с точки зрения государства) ценам не хватало, заготовители выполняли по преимуществу вторую функцию, параллельно используя административные рычаги для получения запланированного продовольствия. Ослабление административного заготовительного нажима поставило под сомнение способность системы перестроиться под новые условия.

Во-вторых, система постоянно переживала свою внутреннюю эволюцию. Чем тщательнее требовался учет для выявления скрытых возможностей, тем больше заготовителям приходилось погружаться в бюрократическую пучину и оценивать себя по приложенным к учету и оповещению усилиям, чем по реально заготовленным продуктам. Риском заявить, что в районах Калининградской области эта эволюция произошла лавинообразно, а вопрос о том, что было важнее для калининградских заготовителей — продукты или всеобщее участие — оставить открытым, поскольку они его перед собой не ставили.

И в-третьих, замечания относительно местных особенностей. Заготовки конца 1940-х — начала 1950-х не могут не отличаться от подобной работы в 1930-е гг. и в военное лихолетье. По сравнению с уже перенесенными бедами угрозы, связанные с невыполнением заготовок, не могли казаться такими же страшными. Особенно это применимо к пе-

реселенцам, приехавшим осваивать новые земли, разоренные войной. Строгий учет ничтожных недоимок не оборачивался столь же строгими наказаниями. Находил ли здесь свое понимание тот факт, что люди, брошенные в условия, требующие борьбы за выживание (как это показано, в частности, Ю.В. Костяшовым [6, с. 162–165]), уже трудятся на пределе возможностей, или присутствовала угроза отъезда (в города или вовсе за пределы области, благо обязательная паспортизация открывала такие возможности), но количество осужденных за недопоставки явно следует воспринимать как показательную меру. Наконец, близость сельского района к областному центру (некоторые сельсоветы примыкали к городским границам), давала возможность найти лучшее применение продуктам, чем торопиться с выполнением обязательных поставок. Производственные показатели сельского хозяйства Калининградского района на протяжении всей его истории до упразднения в 1959 г. были ниже средних по области, что не могло не влиять на эффективность заготовительной практики и ее оценку.

Список источников и литературы

1. *Безнин М.А., Димони Т.М.* Аграрный строй России 1930–1980-х гг. М., 2014.
2. *Государственный архив Калининградской области (ГАКО). Ф. Р-384* (Уполномоченный Министерства заготовок СССР по Калининградской области).
3. *ГАКО. Ф. Р-506* (Управление уполноминзага Министерства заготовок СССР по Калининградскому району). Оп. 1.
4. *История сельского хозяйства Калининградской области. 1946–2005* / отв. ред. В.Н. Маслов. Калининград, 2006.
5. *Коржихина Т.П.* Советское государство и его учреждения. Ноябрь 1917 – декабрь 1991 г. М., 1994
6. *Костяшов Ю.В.* Повседневность послевоенной деревни. Из истории переселенческих колхозов Калининградской области. 1946–1953 гг. М., 2015.
7. *Полх П.П.* Хлебозаготовки: год первый (1947) // Калининградские архивы. Калининград, 2015. Вып. 12. С. 152–161.
8. *Полх П.П.* Калининградские крестьяне-переселенцы и заготовительная политика послевоенного десятилетия // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2014. Самара, 2015. С. 406–415.

Об авторе

Павел Петрович Полх – канд. ист. наук, доц., Балтийский федеральный университет им. И. Канга, Калининград.

Email: p.polkh@mail.ru

About author

Dr Pavel Polkh, Associate Professor, I. Kant Baltic Federal University, Kaliningrad.

Email: p.polkh@mail.ru